

См. 483-490. Энциклопедия императора при дворе к. Кук? - 1896. - ит. -

ного света, установлено многочисленными опытами, и мы знаем, что прямой солнечный свет, действующий в течение некоторых часов, сильно замедляет рост и некоторых микроорганизмов, а других убивает совершенно; зародили сибирской язвы, тифа, холеры, разные тифозные микроорганизмы во влажной среде (т. е. находящиеся в жидкостях) погибают от солнечного луча очень быстро. Менее энергично действуют свет на микробов в-сухом виде, и находясь в этом отношении опыты представляють предполагать, что многие болезнетворные зародки в-сухом виде обладают значительной стойкостью против действия света. Поэтому, не оспаривая дезинфицирующего влияния света вообще, мы все же не имеем еще достаточно убедительных данных для того, чтобы сделать предположение, что свет, сам по себе, может быстро освободить воздух замкнутых помещений от поступивших в него болезнетворных зародков. — Некоторое влияние на находящихся в воздухе микробов, повидному, обнаруживает и *большая сухость воздуха*; по крайней мере в литературе имьются указания на то, что, напр., зародки дифтерита умирають или становятся мало жизнеспособными, будучи доведенъ до той

степени сухости, которую должны иметь пылевые частицы, чтобы подняться по воздуху. Но на ряду с этим известно, что другие болезнетворные микробы переносят высушивание хорошо и в-сухом виде на долгое время сохраняють способность заражать. Во всяком случае, зная, что в-воздухе закрытых помещений, на ряду с невинными пылинками, могут быть и опасные в-раги, мы должны принимать всъ надлежащия в-нашем распоряжении меры къ их устранению и уничтожению. Эти меры, в-кратких словах, могут быть формулированы следующим образом: 1) не допускать въ обитаемых помещениях или временно имъ посываемых помѣщениях большого скопления пыли; 2) удалять пыль съ тѣх мѣстъ, на которыхъ она осѣла, часто и по возможности влажными тряпками; 3) заботиться о вентиляции помѣщений чистым воздухом и въ достаточномъ количествѣ; 4) обмывать полъ, стѣны и мебель послѣ заразныхъ больных дезинфицирующими растворами; 5) допускать возможно широкий доступ въ помещения воздуха и солнечному свету. В-концѣ концов, какъ видно, всѣ борьба съ воздушными микробами сводится къ соблюденію чистоты.

Робертъ Фернсъ.

+ 21-го іюля 1796 г.

Биографическій очеркъ.

21 іюля и. г. исполнится сто лѣтъ со дня смерти знаменитаго шотландскаго поэта Роберта Фернса. Крестынина, по происхожденію, Фернсъ обнаружилъ рѣдкое, оригинальное дарованіе и силою личныхъ заслугъ достигъ известности и почетнаго положенія въ обществѣ. Въместѣ съ глубокимъ знаніемъ чело-вѣческаго сердца, въ произведеніяхъ его замѣтна блестящая фантазія, въ нихъ отражился своеобразный духъ его родной страны, и они могутъ считаться не только живымъ памятникомъ самому поэту, но и ува-самому генію древней, когда-то независимой націи.

Робертъ Фернсъ родился въ Эрнсайрбъ*), 29-го января 1759 г. Обстоятельства его жизни до 1787 г. были сообщены самимъ *) Место дѣйствія его знаменитой поэмы "Томъ О'Шантеръ", переводъ которой помѣщенъ въслѣдъ за этимъ биографическимъ очеркомъ.

«Въ дѣтскихъ и отроческихъ годахъ я много былъ обязанъ жившей у насъ въ домѣ покойной женщиной, знавшей множество пѣсней, преданій и старинныхъ балладъ фантастическаго содержанія. Ея рассказы помогли развиваться во мнѣ зародкамъ поэзіи, но зато такъ сильно дѣйствовали на мое воображеніе, что вычленили ихъ не изгладились у меня до сихъ поръ, хотя я менѣе всего склоненъ къ суевѣрью. Первые двѣ книги, вѣтвѣ прочитанныя мною и доставившія мнѣ неизгладимое наслажденіе, были: «Жизнь Аннибалы» и «Жизнеописаніе Уильяма Уоллеса». Аннибалъ внушилъ мнѣ воинственные идеи, а Уоллесъ пробудилъ во мнѣ національный шотландскій духъ, который угаснеть во мнѣ только съ жизнью.

Пребываніе въ Эррѣ имѣло свои хорошія стороны. Я сошелся со сверстниками, бывшими выше меня по общественому положенію, молодыми артистами, уже релестривавшими блестящія роли, которые имъ предстояло сыграть на жезненной сценѣ, межъ тѣмъ, какъ я, увѣя, долженъ былъ оставаться за кулисами. Въ этомъ нѣжномъ возрастѣ юные аристократы рѣдко имѣють точное понятіе о неизмѣримой безднѣ, отдѣляющей ихъ отъ ихъ товарищей-общественъ. Только соприкосновеніе съ обществомъ внушаетъ будущимъ великимъ людямъ достодолжное презрѣніе къ бѣднякамъ, простымъ крестьянамъ и мастерамъ, родившимся въ одной деревнѣ съ ними. Мои товарищи ни разу не оскорбили меня, хотя я самъ ходилъ за платуемо, и мои босыя ноги подвергались дѣйствию непогоды во всѣ времена года. Они дарили мнѣ книги и даже научили немного по-французски; разсужда въ нѣкоторыхъ изъ этихъ друзей опередила меня, но скоро меня постигли болѣе серьезные неприятности. Покровитель отца умеръ, ферма оказалась разоренной, и мы попали въ когти ростовщика, послужившаго мнѣ моделью въ «Расказъ о двухъ собакахъ». Отецъ женился поздно, и былъ старшимъ изъ се-

Робертъ БѢРНСЪ (въ столѣтію дня кончины).

вели къ процессу, и только чахотка, уржавшая отца въ теченіе двухъ лѣтъ, избавила его отъ тюрьмы и свела въ могилу, гдѣ онъ нашель, наконецъ, успокоеніе. «За эти четыре года жизнь моя отличалась переселеніемъ и была самымъ недолгимъ изъ отроческихъ парней. Изъ старыхъ учениковъ я почернулъ кое-какія понятія о грамматикѣ, исторіи, географіи, своимъ же свѣдѣніями о литературѣ, общечитаніи, критикѣ и былъ обозанъ «Эригелю». Очт. вмѣстѣ съ сочиненіями Попа и трагедіями Шекспира, былъ моимъ единственнымъ чтеніемъ. Собраніе пѣсней было моею величайшею отградой, отправляясь на работу, слѣдуя за плугомо, я повторялъ ихъ—пѣсно за пѣсно, строку за строкою, отдавая все истинно-великое,

меряхъ дѣтей; рѣшивъ воспользоваться послѣдними двумя годами аренды, мы во всемъ урѣзали свои расходы и жили очень бѣдно. Здоровье отца ослабѣло, но для монахъ лѣтъ я былъ уже искуснымъ работникомъ, и во всемъ помогалъ ему. «Такъ, живя въ Уединеніи, подъ гнетомъ тяжелаго труда, я достигъ шестнадцатого года, и около этого же времени впервые согрѣшилъ риемою, воспѣвъ работавшую со мною въ полѣ престелную дѣвушку, бывшую тогдамоъ молодоже меня. Я не могъ сдѣлать этого на чистомъ англійскомъ языкѣ, но наша шотландская рѣчь—простая, безчитростная, обаятельная—легко далаосъ мнѣ, внушивъ ту страсть къ поэзіи, которая, не взирая на горечь разочарованія и книжную философию, всегда остается величайшимъ счастьемъ и радостью на землѣ.

«Такимъ образомъ я узналъ впервые сдвинулся для меня впередъ—поэзію и любовь. Отецъ мой достигъ цѣли своихъ трудовъ, и мы перебрались на другую, болѣе обширную ферму въ десяти миляхъ отъ прежней. Тамъ мы прожили въ довольствѣ четыре года, но несогласія между отцомъ и помѣщикомъ повели къ процессу, и только чахотка, уржавшая отца въ теченіе двухъ лѣтъ, избавила его отъ тюрьмы и свела въ могилу, гдѣ онъ нашель, наконецъ, успокоеніе.

«За эти четыре года жизнь моя отличалась переселеніемъ и была самымъ недолгимъ изъ отроческихъ парней. Изъ старыхъ учениковъ я почернулъ кое-какія понятія о грамматикѣ, исторіи, географіи, своимъ же свѣдѣніями о литературѣ, общечитаніи, критикѣ и былъ обозанъ «Эригелю». Очт. вмѣстѣ съ сочиненіями Попа и трагедіями Шекспира, былъ моимъ единственнымъ чтеніемъ. Собраніе пѣсней было моею величайшею отградой, отправляясь на работу, слѣдуя за плугомо, я повторялъ ихъ—пѣсно за пѣсно, строку за строкою, отдавая все истинно-великое,

сильное и глубокое отъ фальшиваго и напыщеннаго.

«На семнадцатомъ году, стремясь прилатъ себя къоторый лоскъ, я отправился, проливъ желанія отца, въ танцовальную школу, находившуюся неподалеку и посещающую окрестную молодежь.

«Мое невинное возбудило гнѣвъ отца, съ тѣхъ поръ не возобновило меня, и его охлажденіе явилось причиною разсѣянной жизни, которую я велъ въ послѣдующіе года. Я нуждался въ руководителѣ, во мнѣ бродили задатки честолюбія, но они были попытками слѣпца выбраться на свободу. Достигнувъ фортуны я мотъ лишь двумя способами: путемъ нипенской экономіи или ловкаго барышничества; но первый казался мнѣ тяжельмъ, а второй внушалъ отвращеніе. Безъ всякой цѣли впередъ, лишенный нравственнаго руководства, одаренный живымъ характеромъ, я естественно стремился къ обществу, а моя репутація человека начитаннаго, известнаго здравый смыслъ и юморъ—дѣлали меня всюду желаннымъ то-темъ. Дни я проводилъ за работою, вечера же—въ компаніи.

«Обстоятельствомъ, значительно измѣнившимъ мои взгляды и манеры, явилось мое пребываніе въ изысканной школѣ, гдѣ я изучалъ межелеваніе, гимнастику и проч. Хотя здѣсь я научился также запоминать свой станокъ, но занятія геометрией или успѣшно, покуда солнце не вступило въ тропикъ Дѣвы. Знакомство съ очаровательной дѣвушкой заставило тригонометрию вылетѣть у меня изъ головы, и за послѣднюю недѣлю я ровно ничего не дѣлалъ въ школѣ.

«Я вернулся домой значительно исправившимся отъ въосторыхъ недостатковъ, мнѣ пришлось видѣть жизнь съ другой стороны, со многими изъ товарищей у меня завязалась переписка, благотворно повліявшая на мой стиль.

«Поэзия оставалась попрежнему моимъ любимымъ занятіемъ, но я отдавался ей лишь подъ впечатлѣніемъ минуты, работая сразу надъ нѣсколькими вѣщами и бросая ихъ, какъ только трудъ становился утомительнымъ. Девизомъ моимъ было въ то время: «Да здравствуютъ любовь и веселье!»

«На двадцать-третьемъ году у меня явилось желаніе самостоятельно заняться дѣломъ, и я поступилъ къ чесьскому льня, въ сосѣднемъ городѣ Ирвайнѣ.

«Дѣло оказалось неудачнымъ, къ довершенію всего подъ Новый годъ въ лагвѣ вспыхнула пожаръ, и я, какъ истинный поэтъ, остался безъ гроша.

«Когда скончался отецъ, наше имущество перешло въ цѣлкія руки законниковъ. Со-

бравъ нѣкоторую сумму, мы съ братомъ арендовали сосѣднюю ферму. Лишнейности къ его пылкаго воображенія и склонности къ любовнымъ увлеченіямъ, братъ мой отличался большимъ здравымъ смысломъ и былъ во многихъ отношеніяхъ лучше меня. Вступая въ управленіе фермою, я принялъ твердое намереніе не уклоняться съ прямого пути: я читалъ книги по земледѣлю, вычитывалъ урожанъ, самъ ѣздилъ на рынокъ, но на второй годъ мы понесли убытки, и это такъ повліяло на мое благоразуміе, что я снова вернулся къ старымъ привычкамъ.

«Между тѣмъ въ окрестностяхъ уже прошли слухи о моемъ стихотворствѣ. Первымъ отпрыскомъ моей музы явилась распространенная мною самими, будто бы отъ имени неизвѣстнаго автора, юмористическая поэма, задѣвавшая казвинистовъ и производившая большой шумъ въ публичнхъ и переполахъ среди духовныхъ лицъ.

«Передавъ мою часть брату, я сталъ со-

бираться на Ймайку, но передъ тѣмъ, какъ навеюда покинуть родину, рѣшилъ издать мои поэмы. Възвѣсивъ и обсудивъ ихъ со всевозможнымъ безпристрастемъ, я пришелъ къ убѣжденію, что онѣ обладаютъ извѣстными достоинствами, и мысль о посылкѣ, хотя бы ей никогда не пришлось достигнуть до моего слуха,—была мнѣ пріятна. Бѣднѣй и безвѣстный, я былъ о своихъ произведеніяхъ такого же мнѣнія, какъ и теперь, когда они уже признаны публичною и критикою. Я всегда держался убѣжденія, что наши ошибки съ общественной и религиозной точки зрѣнія происходятъ отъ малаго знакомства съ собственной своей личностью. Въ виду этого, я старался изучить и познать самого себя путемъ сравненія съ другими; мнѣ хотѣлось опредѣлить, анализировать свои свѣтлы и темныя стороны.

«Въ успѣхъ своихъ поэвъ я былъ почти увѣренъ; въ худшемъ случаѣ, думалось мнѣ, гудль Атлантическаго океана заглушитъ собою ропотъ неодобренія, а переѣзжа мѣста и обстановку, вмѣстѣ съ новизною впечатлѣній—помогутъ мнѣ утѣшиться. Я выпустилъ стихи въ количествѣ 600 экземпляровъ, причемъ на 350 изъ нихъ подписались заранѣе многие изъ знавшихъ меня, что весьма польстиво моему авторскому самолюбію. За вычетомъ всѣхъ расходовъ, мнѣ очистилось двадцать фунтовъ стерлинговъ, предназначенныхъ на проѣздъ. Въ теченіи нѣсколькихъ дней я принужденъ былъ срываться, такъ какъ нѣкоторые недоброжелатели натравили на меня блоситителей закона. Вещи мои были уже отправлены въ Гринпортъ, я сочинилъ послѣднюю пѣсню: «Ступайся быстро полночная мгла», когда получене

писма отъ одного изъ моихъ друзей, доктора Бэзюка, перевернуло все мои планы, открывъ моему честолюбію новые пути. Онъ выразилъ мнѣ, что ради второго изданія стиховъ мнѣ необходимо ѣхать въ Эдинбургъ, гдѣ я найду поддержку и поощреніе,—и его письмо такъ возбудило мои надежды, что я немедленно отправился въ этотъ городъ, не зная тамъ ни одной души и не имѣя даже ни къ кому рекомендаціальныхъ писемъ.

«Но на этотъ разъ моя зѣбда, до сихъ поръ не сдувшая мнѣ шнечю хорошаго, привела меня на вѣрныи путь. Провидѣне даровало мнѣ покровителя въ лицѣ благороднаго изъ людей, лорда Гленекэрна.

«Дальше нечего разсказывать. Эдинбургъ явился для меня новымъ міромъ, я познакомился съ людьми разныхъ сословій, и изучалъ ихъ съ величайшимъ интересомъ.»

Такъ описывается письмомъ Бернса къ доктору Мурру.

Литераторы оказали поэту самый лестный пріемъ. Онъ былъ желаннымъ гостемъ въ самыхъ изысканныхъ кружкахъ, краснѣлъ и излился женщины дѣлили его тѣмъ вниманіемъ, которое онъ дѣлалъ выше всего, а благодаря новому изданію стиховъ, Бернсъ не только получилъ возможность принимать участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ, но ему удалось исполнить свое желаніе—посѣтить тѣ мѣстности Шотландіи, которыя славилась своею живописною красотой и историческимъ прошлымъ. Послѣ полуторого отсутствія, онъ вернулся въ Эршайръ, и торжмъ встрѣтила его семья. Оставивъ родныхъ бѣдымъ, никому неизвѣстнымъ юношей, теперь онъ возвращался къ нимъ, достигнувъ изысканности и нѣкоторой материальной обезпеченности.

Пробывъ съ ними нѣсколько дней, онъ отправился снова въ Эдинбургъ, а затѣмъ—въ лутешествіе по Шотландіи; впоследствии онъ предпринялъ его опять въ общество мистера Николь, съ которымъ былъ другъ до конца своей жизни.

Въ Эдинбургѣ Бернсъ провель большую часть зимы 1787—88 гг. За вычетомъ расходовъ по печатанію, онъ получилъ отъ своего издателя 500 фунтовъ и двѣсти изъ нихъ отдалъ брату Джильберту. Съ остальными деньгами онъ сѣлъ ферму въ Эддислендѣ,

на берегахъ рѣки Найтъ, заливъ въ то же время желаніе занять должность акцизнаго надзиравателя.

Его возроставшая слава естественно привлекла къ нему вниманіе сосѣдей; пріемъ, встрѣченный имъ въ Эдинбургѣ, ввелъ его въ моду, и, примиряясь съ его скромнымъ происхожденіемъ, сосѣдніе дворяне приглашали его къ себѣ въ домъ, оказывая ему всевозможное вниманіе и любезности. Къ сожалѣнію, дѣла службой отвлекли его отъ формы, предоставленной слугамъ; наконецъ, онъ получилъ назначеніе въ другой округъ съ жалованьемъ въ семьдесятъ фунтовъ. Въ надеждѣ на повышеніе, онъ, разсчитывая содержать себя и семью на эти скромныи средства, продалъ свой запасъ хлѣба и скота и, въ концѣ 1791 г., перѣхалъ въ небольшой домъ, нанятый имъ въ Демфрайфъ.

Съ октября 1795 г. до января 1796 г. служивая болѣзнъ, за которую послѣдовали пріичайнаго ревматизма,—приковала его къ дому. Онъ сталъ терять силы и аппетитъ, въ рукакъ появилась дрожь, голова ослабѣла. Путь съдѣлался быстрымъ и несправильнымъ, сильныя боли въ связкахъ, въ рукакъ и въ ногахъ—лишали его сна. Онъ отправился въ Брау на морския купанья, и хотя послѣ этого онъ почувствовалъ временное облегченіе ревматическихъ болей, однако появившаяся на смѣну имъ лихорадка заставила его вернуться домой 18-го іюля 1796 г. Три дня онъ пролежалъ въ состояніи крайней слабости, прерываемой по временамъ бредомъ, и 21-го іюля, на тридцать восьмой году отъ рожденія, скончался.

Его похоронили съ военными почестями, и за пробоми его шло болѣе десяти тысячъ челоувѣкъ.

Робертъ Бернсъ былъ около шести футовъ ростомъ, крѣпкаго тѣлосложенія и отличался подвижностью. Разговоръ его блисталъ умомъ и юморомъ, отличаясь въ то время глубиною мысли и рѣдкою правильностью сужденій.

«Мнѣнія о Бернсѣ людей столь же выходящихъ, какъ онъ самъ,—наполнили бы собою цѣлый томъ.»—говоритъ мистеръ Локгертъ, а Кэмпбелъ прибавляетъ, что въ своей частной жизни поэтъ былъ не менѣе симпатиченъ, чѣмъ въ своихъ гудбою самоубитныхъ произведеніяхъ. **О. Ч.**